

— Я прямо сейчас могу бескорыстно пожертвовать собой ради тебя — отправлю тебя на тот свет!

Янь Яншэн замахнулся кулаком. Тун Фэйюэ с перепугу бросился бежать. Сы Ванбэй на вид шёл неспешно, но всё время держался ровно на нужном расстоянии позади них.

Солнце клонилось к закату. Янь Яншэн бежал в золотых лучах, и раздражение с тоской в его сердце незаметно развеялись без следа.

Тем временем в зале совета Академии Наньмин.

Академия Наньмин делилась на девять школ, и у каждой был свой глава. В последний раз все девять глав собирались здесь десять лет назад.

Помимо них присутствовал и ректор Лю Чуншань, которого обычно никто не мог ни увидеть, ни поймать.

Чуншань было его вторым именем, а полное имя — Лю Гуаньюй. Однако прославился он давным-давно, и уже много лет никто не осмеливался называть его личным именем.

Лю Чуншань, весь в дорожной пыли, опустился на своё место — очевидно, только что вернулся издалека.

— Все собрались, поэтому скажу прямо. Среди новичков, проходящих испытание, есть молодой культиватор по имени Янь И. У него не только выдающийся одиночный духовный корень, но и высшее тело сосуда-печи, не встречавшееся тысячу лет. Полагаю, вы все уже слышали об этом. Что скажете?

Едва Лю Чуншань закончил, заговорил глава школы Сюйюй, одной из трёх средних школ.

— Ректор, если этот юноша останется в Академии Наньмин, он принесёт ей лишь беду! Одиночный духовный корень, конечно, редок, но не настолько, чтобы ради него нельзя было отказаться от ученика. Больше трёх тысяч человек видели, что Янь И обладает высшим телом сосуда-печи, и весть непременно разойдётся. Тогда разные силы обязательно захотят заполучить его. Если Наньмин оставит юношу, Академии не будет покоя!

Остальные главы молчали — очевидно, в основном разделяли его мнение. Возможно, у кого-то были и другие мысли, но сейчас говорить о них было неудобно.

В конце концов глава Сюйюй был человеком прямым и честным: никаких грязных намерений у него не было, он думал лишь о безопасности Академии. Но кто мог поручиться, что среди остальных глав никто не позарился на тело высшего сосуда-печи Янь И?

Тем более совершенствование двух глав школ вот уже целую сотню лет не продвинулось ни на шаг.

В зале повисла тишина. Сидевшая в самом конце девушка робко подняла руку:

— Дяди, Цинхуань хотела бы кое-что сказать.

Говорившую звали Гу Я, второе имя — Цинхуань. Она была дочерью главы школы Чунмин, одной из трёх нижних школ. Поскольку её отец находился в затворе жизни и смерти, на этот совет вместо него пришла единственная дочь.

Услышав Гу Цинхуань, все невольно нахмурились. Только Лю Чуншань остался невозмутим:

— Цинхуань, говори прямо. Здесь все твои дяди и старшие, никто не станет тебя притеснять.

Очевидно, этими словами Лю Чуншань сразу дал понять, что поддерживает Гу Цинхуань. Даже если её слова сейчас кому-то не понравятся, старшим придётся помнить о своём положении и не срываться на младшей.

Взгляд Гу Цинхуань стал твёрже. Она поднялась и сказала:

— Наша Академия Наньмин всегда учила всех без различия. Если культиватор соответствует требованиям приёма, мы никогда не смотрим на его происхождение и семью. Если из-за того, что Янь И — высший сосуд-печь, мы испугаемся навлечь гнев других сил, это может запятнать доброе имя Академии Наньмин.

Если сделать исключение для Янь И, то как поступать потом? Принимать ли культиваторов, у которых есть могущественные враги? А тех, кто втянут в семейные распри?

Слова девушки тяжело легли на сердца присутствующих. Глава школы Сюйюй тоже встал, лицо его стало серьёзным:

— Высший сосуд-печь совершенно не похож на остальные случаи. Из-за такого человека весь Мир Малой Тысячи способен вступить в борьбу!

— Именно поэтому Академия Наньмин тем более должна защитить его, разве нет? Дядя, насколько я помню, завет основателя Академии Наньмин звучит так: «В мирные времена храни сердце, в смутные — народ; сквозь тысячи лет — лишь Дао и праведность». Он соответствует требованиям приёма, но мы откажемся от него из-за телосложения. Как после этого людям Наньмин хранить свои сердца? Как хранить Дао и праведность?

Закончив, Гу Цинхуань слегка улыбнулась и поджала губы:

— Я всего лишь молодая девчонка и, возможно, не умею смотреть так далеко, как дяди. Если все вы считаете, что Цинхуань говорит глупости, считайте это детской болтовнёй.

Глава школы Сюйюй уже хотел возразить, но Лю Чуншань властно оборвал обсуждение.

— Я считаю, Цинхуань права. Академия Наньмин входит в Четыре Великие Академии не потому, что боится смерти и цепляется за жизнь, а потому, что хранит сердце и защищает народ. Если мы не способны уберечь даже одного ученика, как собираемся защищать безопасность простых людей Поднебесной? Принять Янь И согласно правилам!

— Ректор! — глава школы Сюйюй вскочил в волнении. Он не мог спокойно смотреть, как Академия Наньмин из-за одного ученика вступает в опасность.

Лю Чуншань медленно поднял глаза. Могущественное давление великого мастера стадии Преодоления Скорби обрушилось на главу Сюйюй:

— Я сказал: принять Янь И согласно правилам. Понятно?

Лицо главы Сюйюй побелело. Стиснув зубы, он выдавил:

— П-понятно.

*

Полумесячные вступительные испытания закончились, и Янь Яншэн вместе с Сы Ванбэем отправился ждать окончательных результатов.

После завершения испытаний у ворот Академии Наньмин вывешивали список с именами всех принятых учеников.

С самого утра у ворот было не протолкнуться: всем не терпелось узнать, кого же приняли.

Имя Сы Ванбэя красовалось на самой первой строке. Янь Яншэн пробежал глазами ниже и вскоре увидел своё.

Янь И, Янь Яншэн.

— Я поступил! — Янь Яншэн едва не подпрыгнул от радости. Он уже по привычке хотел сграбастать Сы Ванбэя в медвежьи объятия, но, увидев, как тот стоит прямой, словно сосна или кипарис, резко сменил направление и обнял Тун Фэйюэ.

Тун Фэйюэ ревел, размазывая сопли и слёзы:

— Брат мой, я уж думал, Наньмин тебя не возьмёт! Я с таким трудом встретил родственную душу, такого же мерзавца, как я! Если бы мы не смогли совершенствоваться вместе, я бы до конца жизни с этим не смирился!

Стоявший рядом Сы Ванбэй молча сложил пальцы в заклинание и развёл обоих в стороны.

Они одновременно опешили, а затем услышали его привычно холодный голос:

— Манеры должны быть пристойными. Радость и гнев не следует выставлять напоказ.

Янь Яншэн и Тун Фэйюэ, словно два перепуганных перепела, опустили головы и послушно выслушали нравоучение наставника Сы.

Через некоторое время ворота Академии Наньмин медленно распахнулись. Из-за них неспешно вышел старейшина, по-прежнему держа знакомый усиливающий голос артефакт:

— Культиваторы, прошедшие испытание, входят в Академию со своими нефритовыми жетонами. Те, кому жетон не выдавали, подходят ко мне и получают его.

Принятые культиваторы с жетонами толпой ринулись внутрь. Только троица Янь Яншэна радостно потрусила к старейшине.

Увидев Янь Яншэна, тот посмотрел на него очень сложно, но всё же вынул нефритовый жетон и протянул ему:

— После поступления без крайней необходимости не покидай Академию Наньмин.

Янь Яншэн поспешно закивал.

— Иди, — сказал старейшина.

— Я ещё не спросил вашего имени, — произнёс Янь Яншэн.

— Можешь звать меня старейшиной Цинчжу.

Янь Яншэн глубоко поклонился ему как ученик:

— Ученик Янь Яншэн благодарит старейшину Цинчжу.

Выражение лица старейшины Цинчжу слегка изменилось, но он тут же махнул рукой:

— Иди уже. Вы только поступили, дел впереди ещё много.

Трое плечом к плечу вошли в Академию Наньмин. Когда они переступили ворота, барьер на них покрылся мелкой рябью.

Стоило оказаться внутри, как окружающий пейзаж резко изменился.

<http://bllate.org/book/19048/1875559>